U 272/1049

272
1049

58151-44

ДОНЕСЕНІЕ

АДЪЮНКТА СРЕЗНЕВСКАГО,

Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ Вѣны, отъ 8 (20) Февраля 1841 года.

Путешествующему по землямъ Славянскимъ съ цѣлію изученія Исторіи, языка и Литературы Славянъ, представляется поприще столь же разнообразное, сколько и обширное. Языкъ и сочиненія, слогъ и образованность Писателей, ихъ вліяніе другъ на друга и вообще на просвѣщающійся классъ, развитіе знаній и идей, словомъ все, что составляетъ предметъ Литературы, въ обыкновенномъ значеніи сего слова, сколько ни занимательно, сколько ни важно для него, не можетъ быть однакожь исключительнымъ предметомъ его наблюденій. Онъ долженъ узнать языкъ Славянскій въ его коренной характеристикѣ и многообразныхъ измѣненіяхъ въ разныхъ странахъ и въ разные вѣки, долженъ обращать особенное вниманіе на тѣ произведенія, въ которыхъ отразились, которыя одушевили наиболѣе умъ и фантазію, вкусъ и образованность Славянъ, какъ племени отличнаго отъ другихъ по духу и жизни, — и не можетъ не очертить себѣ круга, гораздо болѣе обширнаго, нежели какой даетъ ему обыкновенная Литература. Ограничиваясь тѣмъ, что найдетъ въ языкѣ и сочиненіяхъ Писателей, онъ увидитъ Славянъ подъ вліяніемъ, часто очень

35614

сильнымъ, ихъ сосѣдей, Западной Европы, и тѣмъ менѣе узнаетъ самое Славянство. Чтобы узнать Славянство (что нужно ему и для самаго опредѣленія степени вліянія чужаго на Славянъ), онъ долженъ, съ одной стороны, — изучать старинные памятники языка, писанные людьми, еще не имѣвшими притязанія на названіе «Писателей» и «Литераторовъ», и тѣмъ болѣе сохранившими въ своихъ сочиненіяхъ народность языка, народность мысли и чувства; съ другой стороны, итти въ народъ, вслушиваться въ его рѣчь, простую, не испорченную исполненіемъ придуманныхъ правилъ, въ его пословицы, пѣсни, преданія, въ которыхъ выражаетъ онъ себя, свой умъ и фантазію, вкусъ и понятія, свою жизнь и свое прошедшее такъ простосердечно и такъ полно. А чтобы онъ могъ понять сознательно то, что прочтетъ въ старыхъ хартіяхъ и услышитъ въ деревняхъ и поляхъ, онъ долженъ узнать образъ жизни Славянъ, ихъ нравы и обычаи, вѣрованія и обряды. . . . Проникнувъ въ духъ Славянства, узнавъ его въ тѣхъ проявленіяхъ, гдѣ условія Искусства не вредили Природѣ, онъ будетъ въ состояніи оцѣнить и тѣхъ Писателей, которые, не смотря на цѣпи, наложенныя на нихъ вліяніемъ чужаго, смогли однакожъ сохранить свою народность, понять свой народъ, свой родной языкъ, и тѣ формы, въ которыхъ можетъ изящнѣе и могучѣе проявляться умъ и фантазія для его соотчичей, въ одеждѣ его Отечественнаго языка. — Немного памятниковъ языка и Словесности Славянъ сохранилось намъ отъ старыхъ временъ, но тѣмъ они драгоцѣннѣе, и тѣмъ болѣе притомъ должно цѣнить и изслѣдывать тѣ, кои хранитъ самъ народъ. Изученіе Славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ, ихъ народной Словесности, изученіе мѣстное, такъ сказать топографическое, считалъ я и считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная

Словесность представляютъ Этнологу, Историку, Филологу хотя нѣчто такое, что на перекоръ судьбѣ, пережило долгіе вѣки, и сохранилось только въ немъ, что каждый Славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звѣномъ въ общемъ развитіи Славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ обще-Славянскихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи каждую особенную народность жизни и слова можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ (mode musicale, Tonart): каждая необходима, каждая самобытна, хотя и совпадаетъ, сливается съ другими. Самое современное направленіе большей части знатоковъ и любителей Славянской Этнологіи и Филологіи въ Европѣ убѣждаетъ въ необходимости топографическаго изученія Славянъ: многіе изъ нихъ занимаются тѣмъ, что сохранилось въ книгахъ и рукописяхъ, что подлежитъ ученому разбору и уже не исчезнетъ, какъ фактъ, но слишкомъ немногіе ищутъ новыхъ фактовъ, еще пока живыхъ въ народѣ, но при современномъ движеніи образованности, все болѣе исчезающихъ. Много ли Караджичей насчитать можно въ цѣлой Европѣ, не только между Славянами? И какая Славянская народность изслѣдована такъ, чтобы для Этнолога и Филолога оставалось только критизировать и приводить въ систему собранные матеріалы? — Безъ сомнѣнія, путешественникъ, ограниченный небольшимъ срокомъ времени, не можетъ сдѣлать все, что бы нужно было и что бы желалъ онъ сдѣлать; но во всякомъ случаѣ, при любви къ дѣлу и старательности, онъ можетъ болѣе или менѣе уменьшить число пробѣловъ въ книгѣ знанія Славянства: каждый сдѣлаетъ что-нибудь, многіе сдѣлаютъ много. Собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему.

Такъ понялъ я долгъ, наложенный на меня путешествіемъ по землямъ Славянскимъ, и до сихъ поръ

занимался изученіемъ Славянъ Прусскихъ (исключая Познани), Саксонскихъ, Богемскихъ и Моравскихъ.

Путь мой отъ границы до Праги былъ чрезъ Кенигсбергъ, Берлинъ, Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ.

Въ Кенигсбергѣ я имѣлъ удовольствіе сблизиться между прочимъ съ Профессорами тамошняго Университета, Розенкранцемъ и Шубертомъ. Розенкранцъ, занимаясь народной Поэзіей въ отношеніи миѳологическомъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ замѣчаній касательно народной Поэзіи Германской, примѣняемыхъ къ міру Славянскому. Хотя и послѣдователь Гегеля и одинъ изъ знаменитѣйшихъ его послѣдователей, онъ однако не противникъ народности философскихъ идей, не противникъ того, что и Философія, особенно Физіологія и Эстетика могутъ и должны искать отвѣтовъ на многіе изъ своихъ вопросовъ въ наблюденіяхъ той части народа, которая, сохраняя старину и простоту нравовъ, обычаевъ и пбнятій, обыкновенно обвиняется въ невѣжествѣ; народъ хранитъ вѣковыя истины, и даже часто въ драгодѣнныхъ покровахъ. Шубертъ обязалъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣдѣній о Славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и Австрійской Имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи, многіе видятъ Славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается чисто-Славянскимъ безъ знанія Нѣмецкаго языка. Съ его же помощію началъ я составленіе этнографической карты Славянской части Европы.

Въ Берлинѣ я остался на нѣсколько недѣль: это нужно было и для обозрѣнія Библіотеки и Кабинетовъ древностей, для знакомства съ Учеными, отъ которыхъ я могъ воспользоваться обще-филологическими свѣдѣніями, и для самыхъ этнографико-лингвистическихъ

изысканій. Библіотека Берлинская не богата впрочемъ ни рукописями, ни старопечатными книгами, важными для Славянофила. За то чрезвычайно богатъ Кабинетъ древностей во дворцѣ Монбижу: тамъ собраны языческія вещи, откопанныя въ могилахъ и городищахъ, во всѣхъ частяхъ Прусскаго Королевства, и расположены довольно правильно по родамъ, съ замѣчаніями, гдѣ что найдено; Славянофилъ долженъ изучать сей превосходный Кабинетъ. Изъ Ученыхъ Берлинскихъ я сблизился болѣе всего съ Профессоромъ Боппомъ, столь справедливо занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ между Филологами Европы. Обширное знаніе языковъ такъ-называемаго Индо-Германскаго корня, твердая и глубокая мысль и сообразительность, неусыпная дѣятельность и безпристрастіе, добродушіе и готовность помогать каждому любителю языкознанія, отличаютъ этого Ученаго и внушаютъ къ нему полное уваженіе. Прилежно посѣщая его лекціи и утруждая его частыми приходами къ нему на домъ, я имѣлъ счастіе пользоваться его вниманіемъ, и многимъ обязанъ ему какъ въ отношеніи къ современнымъ разысканіямъ по части общей Сравнительной Грамматики, такъ и въ отношеніи сравненія Санскритскаго языка съ Славянскимъ. — Профессоръ Дитерици помогъ мнѣ умножить запасъ статистико-топографическихъ свѣдѣній о Славянскомъ народонаселеніи Пруссіи. Что до этнографико-лингвистическихъ разысканій моихъ въ Берлинѣ, то они большею частію касаются Кашубовъ или Кашебовъ, остатка Славянскаго народа, обитающаго на границахъ Западной Пруссіи и Помераніи, у береговъ Балтійскаго моря. Зимнее время года, въ которое ѣхалъ я изъ Кенигсберга въ Берлинъ, не позволило мнѣ быть въ землѣ ихъ и на мѣстѣ изучить ихъ нарѣчіе и обычаи; впрочемъ я успѣлъ ознакомиться съ ними въ Берлинѣ, гдѣ, какъ и въ другихъ важныхъ городахъ Пруссіи, можно найдти Кашебовъ въ военной службѣ. Въ

послѣдствіи я успѣлъ сблизиться съ нѣкоторыми Кашебами во Вратиславѣ (Breslau) и въ Сгорѣльцѣ (Görlitz). Замѣчанія о нарѣчіи Кашебскомъ имѣю честь приложить при семъ особенною статьею (*).

Въ Галле я надѣялся воспользоваться совѣтами и ученостію Профессоровъ Болена и Потта. Болена я уже не засталъ въ живыхъ; онъ умеръ, едва успѣвши дочитать корректуру Ритусангары, которую печаталъ въ подлинникѣ съ примѣчаніями и переводомъ. Какъ Кореджіо, онъ самъ нашелъ поприще, на которое призванъ былъ Природою, и палъ подъ тяжестью трудовъ и думъ. Посмертные труды его перешли въ руки Потта, и конечно будутъ изданы. Въ Поттѣ я нашелъ втораго Боппа: та же ученость, то же добродушіе, та же искренняя любовь къ своему предмету и то же высокое сознаніе его трудности. Бесѣды съ нимъ были для меня столь же и пріятны, сколько поучительны, и тѣмъ болѣе были они для меня пріятны, что Поттъ безпристрастно любитъ Славянъ, и знаетъ, что̀ Славяне сдѣлали и сдѣлаютъ для Европы. Съ нимъ же вмѣстѣ и съ нѣкоторыми Славянами изъ Венгріи, учащимися въ Галльскомъ Университетѣ, я обходилъ Славянскія окрестности Галле. Языкъ исчезъ, нравы и обычаи измѣнились, все онѣмечилось; но преданіе живо, и названія урочищъ подтверждаютъ его: всѣ эти мѣста были Славянскими. Я думалъ найти хотя что-нибудь Славянское и между Галлорами, работающими на Галльскихъ соловарняхъ; но уже ни языкъ, ни одинъ изъ обычаевъ, ни даже фамильныя имена ихъ, ничто не напоминаетъ о Славянствѣ: они помнятъ только, что имѣли когда-то какой-то другой языкъ.

(*) Она будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Ж. М. *Прим. Ред.*

Въ Лейпцигѣ я осмотрѣлъ Славянскія рукописи и сблизился съ нѣкоторыми изъ Членовъ тамошняго Лужицко-Сербскаго Общества, особенно съ Мосигомъ фонъ Эренфельдомъ. Это Общество основано Студентами Университета еще въ 1716 году, и постоянною цѣлію имѣло поддержаніе знанія Верхне-Лужицкаго нарѣчія между тѣми, которые готовятся быть Пасторами въ Верхнихъ Лужицахъ (Ober-Lausitz). Съ недавняго времени оно соединило съ этою цѣлію и цѣль этнографико-литературную, занимаясь собираніемъ всего, что можетъ имѣть цѣну въ отношеніи къ Этнографіи, Языкознанію и Литературѣ Верхнихъ и отчасти Нижнихъ Лужицъ (Nieder-Lausitz). Мосигъ фонъ Эренфельдъ есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ: Лужичане, любящіе свою родину, могутъ надѣяться отъ него многаго.

Библіотекъ и Кабинетовъ древностей въ Дрезденѣ, въ этотъ переѣздъ чрезъ Дрезденъ, я не осматривалъ, какъ потому, что спѣшилъ въ Прагу, такъ и потому, что надѣялся это исполнить въ болѣе благопріятное время года, во время путешествія въ Лужицы. Я познакомился только съ Придворнымъ Капелланомъ Грабѣтою; онъ родомъ Чехъ, душою Славянинъ, и, какъ слышно, сдѣлалъ немало добраго для Славянъ Лужицкихъ.

Пріѣхавши въ Прагу, я поспѣшилъ познакомиться съ Шафарикомъ, Ганкою, Юнгманомъ, Челяковскимъ, Палацкимъ, Преслемъ, Станькомъ, Амерлингомъ и другими Пражскими Славянофилами. Блестящимъ созвѣздіемъ они освѣщаютъ Прагу предъ прочими городами Австрійской Имперіи и всего Западнаго Славянства. О Шафарикѣ я могу повторить только то, что̀ каждому извѣстно: не знаешь, чему въ немъ болѣе удивляться, патріархальному ли благородству характера или ученому трудолюбію. Въ почтенномъ Ганкѣ каждый Русскій, какъ и каждый Славянинъ, находитъ друга, роднаго. Его умѣнье находить древніе памятники Литературы удивительно; что

же касается нападокъ нѣкоторыхъ, осмѣливавшихся предполагать, будто онъ могъ поддѣлывать такіе памятники, на нихъ не стоитъ отвѣчать: кто не знакомъ лично съ Ганкою, тотъ можетъ читать то, что онъ открылъ, и убѣдиться въ противномъ. Старецъ Юнгманъ, воздвигшій себѣ безсмертный памятникъ «Чешскимъ Словаремъ», продолжаетъ трудиться надъ его дополненіемъ, и приготовляетъ второе изданіе «Исторіи Чешской Литературы». Благодарные соотчичи приготовляютъ полное изданіе прочихъ его сочиненій, превосходныхъ и по языку и по глубоко-искреннему чувству, ихъ одушевляющему. Онъ уже старецъ, но это чувство оживляетъ его и теперь, и даетъ силы трудиться для Отечества, какъ трудился онъ юношею, когда поле новой Чешской Литературы было пусто и не было еще надежды, что на немъ созрѣетъ какое-нибудь зерно, когда самого Добровскаго надобно было увѣрять, что это возможно. Юнгманъ былъ первымъ сѣятелемъ, и сѣятелемъ счастливымъ: ему обязаны Чехи тѣмъ, что имѣютъ теперь и Литературу и любовь къ Литературѣ своей. Челяковскій, бывшій Профессоръ Чешской Литературы въ Университетѣ Пражскомъ и занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ между современными Чешскими Поэтами, посвящаетъ большую часть времени на составленіе этимологическаго дополненія къ Словарю Юнгмана, предполагая въ немъ объяснить корни и духъ производства словъ изъ корней въ языкѣ Чешскомъ: его проницательность и знаніе почти всѣхъ Славянскихъ нарѣчій ручаются за важность этого труда. Другой трудъ, занимающій Челяковскаго, есть сравненіе пословицъ всѣхъ Славянскихъ народовъ; можно надѣяться, что первая часть этого труда выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Палацкій своею «Исторіею Чешскаго народа», довольно извѣстенъ. Жаль, что онъ медлитъ ея изданіемъ на Чешскомъ языкѣ. Въ недавнее время, вмѣстѣ съ Шафари-

комъ, онъ издалъ превосходное объясненіе «Суда Либуши» и «Отрывка изъ Евангелія Іоанна,»—древнѣйшихъ памятниковъ Чешскаго языка, относящихся къ X вѣку, и въ немъ показалъ очень искусно всю несправедливость сомнѣній, относительно подлинности сихъ драгоцѣнностей. Теперь онъ занимается изданіемъ «Чешскаго Архива»,— собранія старыхъ дипломатическихъ бумагъ Чешскихъ, и печатаетъ третій томъ «Исторіи Чешской». Не могу умолчать и объ ученомъ благородномъ Преслѣ, хотя онъ и не занимается собственною Литературой. Его поприще — Естествознаніе; но всѣ свои творенія пишетъ онъ на языкѣ Чешскомъ, и имѣлъ сильное вліяніе на ученое обработываніе Чешскаго языка, хотя его нововведенія и не всегда были удачны. Что же касается его любви къ отечеству, въ этомъ отношеніи для молодаго поколѣнія не надобно лучшаго примѣра. Два достойные ученика его, одушевленные подобно ему благородною любовію къ отечеству, суть Доктоpы Станекъ и Амерлингъ. Они также посвящаютъ себя преимущественно Естествознанію: первый издалъ недавно прекрасное «Руководство къ Анатоміи», а второй издаетъ «Химію». Изъ Литераторовъ, принадлежащихъ къ молодому поколѣнію, первое мѣсто занимаетъ Тиль: по службѣ онъ Военный Писарь, на сценѣ актеръ, дома Сочинитель и Переводчикъ драмъ и повѣстей, Редакторъ газетъ и журналовъ, и за свою любовь къ народности, за свой слогъ и умѣнье разсказывать заслужилъ всеобщее уваженіе всей публики Чешской. Онъ же не мало содѣйствовалъ и увеличенію ея. Удостоенный отъ всѣхъ радушнымъ пріемомъ и готовностію помогать мнѣ въ моихъ занятіяхъ, я изучалъ въ Прагѣ подъ руководствомъ Челяковскаго древній и новый Чешскій языкъ, а подъ руководствомъ Ганки драгоцѣнности Чешскаго Музеума. Не могу не засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ моей искренней благодарности симъ двумъ Ученымъ, а равно и Шафа-

рику, которому обязанъ я многими совѣтами, какъ относительно занятій, такъ и относительно плана путешествія.

Я оставался въ Прагѣ около четырехъ мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока успѣлъ усвоить себѣ въ нѣкоторой степени разговорный Чешскій языкъ, и погода позволила мнѣ начать путешествіе пѣшкомъ.

Первымъ моимъ долгомъ было посѣтить тѣ части Чехіи, гдѣ или народъ Чешскій сохранилъ чистоту и особенности въ языкѣ и обычаяхъ, или сама земля сохранила на себѣ и въ себѣ памятники минувшаго. Тѣмъ болѣе необходимымъ считалъ я это, что, не смотря на постепенное развитіе Литературы Чешской въ наше время, направленіе господствующее между Литераторами не позволяетъ надѣяться отъ нихъ важныхъ трудовъ касательно изученія народности: за исключеніемъ очень немногихъ, они заняты или чисто книжной ученостью, или Литературой иностранной; а изученіе народности, не смотря на то, что оно видимо слабѣетъ, остается почти для всѣхъ вещію постороннею, лишнею, такъ сказать игрушкою. Я уже не говорю о трудахъ, подобныхъ трудамъ Сахарова, Даля и Снегирева, Голембёвскаго или Войцицкаго, Караджича или Колляра, и т. п. Подобнаго труда можно ожидать въ Чехіи отъ одного Челяковскаго. Даже и хорошаго собранія пѣсенъ народныхъ до сихъ поръ нѣтъ у Чеховъ: собраніе Риттерсберга составлено безъ порядка и критики; собраніе Челяковскаго, составляющее часть общаго собранія Славянскихъ пѣсенъ, по самому плану изданія, не могло быть полно; Камаритъ, правда, издалъ хорошее собраніе народныхъ пѣсенъ, но только духовныхъ. Одинъ изъ молодыхъ Литераторовъ Пражскихъ готовитъ къ печатанію новое собраніе народныхъ пѣсенъ; но, сколько знаю, и оно не будетъ богато. Необходимое условіе при редакціи народныхъ пѣсенъ, ихъ объясненіе этнографическое, топогра-

фическое, историческое и т. д., было совершенно оставляемо безъ вниманія. Собранія пословицъ, кромѣ старыхъ и помѣщенныхъ въ Словаряхъ, собранія, которое также должно быть издаваемо съ объясненіемъ, равнымъ образомъ нѣтъ. О собраніи сказокъ, преданій, повѣрій и описаніи обычаевъ и обрядовъ помышляли немногіе; немногое изданное разбросано по разнымъ журналамъ и газетамъ. Такой недостатокъ вниманія къ народности тѣмъ болѣе удивителенъ, что опыты нѣкоторыхъ (Челяковскаго, Каменицкаго, Лангера, Тиля, Рубеша) писать въ духѣ народномъ имѣли блестящій успѣхъ. Еще менѣе вниманія было обращаемо на изслѣдованіе остатковъ языческой древности, сохранившихся на землѣ и въ землѣ въ Чехіи. Въ этомъ отношеніи можно упомянуть объ одномъ Калинѣ, котораго книга въ Россіи извѣстна по Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія. Онъ приготовляетъ теперь ея продолженіе. Впрочемъ, кабинетъ его довольно бѣденъ. Между тѣмъ ходя въ окрестностяхъ Праги въ мѣстахъ за Славымъ и около Мельника, гдѣ въ народѣ остались преданія о старыхъ временахъ, а въ землѣ остатки языческой древности, — въ мѣстахъ вокругъ Болеслави (Bunzlau), Ичина, Турнавы, не только видишь всюду остатки давнопрошедшей жизни, но и въ самомъ нарѣчіи старыя формы, — въ мѣстахъ около Плзни (Pilsen) и далѣе до послѣдней нынѣшней Славянской границы на Западѣ, также около Клатова, Стракониць и Будѣёвиць (Budweis), можешь замѣтить, что Чехи тамъ, въ сосѣдствѣ съ коренными Нѣмцами, сохранили въ нравахъ и обычаяхъ болѣе чистоты, нежели въ другихъ мѣстахъ Чехіи, и т. д. Во время сихъ странствій по Чешской землѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми учеными Литераторами Чешскими, кои были мнѣ полезны и въ отношеніи филологическомъ и въ отношеніи моего путешествія. Такъ въ Ковани я нашелъ Пастора Випарицкаго, занимающаго одно изъ пер-

выхъ мѣстъ въ современной Литературѣ Чешской, и владѣющаго художнически литературнымъ Чешскимъ нарѣчіемъ; въ Соботкѣ Декана Вотешника, а въ Либони Декана Антонія Марка, изъ которыхъ послѣдній также съ честію дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ; въ Ичинѣ— Профессоровъ Шира и Махачка, изъ которыхъ первый давно уже занимается сравненіемъ Славянскихъ корней съ Санскритскими, а второй переводомъ лучшихъ Германскихъ Писателей на Чешскій языкъ; въ Плзни— Профессора Сметану, посвятившаго себя составленію учебныхъ руководствъ на Чешскомъ языкѣ; въ Козоѣдахъ одного изъ лучшихъ беллетристовъ Чешскихъ, Пастора Юрія Марка, и пр. Вообще можно замѣтить, что въ Чехіи съ года на годъ увеличивается число людей, посвящающихъ себя Отечественной Литературѣ, и еще болѣе число людей, оживленныхъ любовію къ Отечеству. Къ этому надобно прибавить, что такихъ людей болѣе всего можно найти въ духовномъ сословіи: это — столпъ Чешскаго народа.

Во всей Богеміи считается жителей 4,250,000, и изъ нихъ Чеховъ, не забывшихъ своего языка, 3,000,000; остальные суть или Нѣмцы, или онѣмеченные Чехи (Жидовъ 70,000, Цыганъ не болѣе 2 — 3,000, и пр.). Языкъ Нѣмецкій господствуетъ отчасти въ городахъ, хотя впрочемъ въ нихъ и самые Нѣмцы принуждены умѣть говорить по Чешски, и болѣе по границамъ Богеміи, особенно на Сѣверѣ, Западѣ и Югѣ, менѣе на Востокѣ; вся средина Богеміи остается Чехіей. Именно, общими чертами границу между Нѣмецкой Богеміей и Чехіей на Сѣверѣ и Сѣверо-Западѣ, начиная съ Восточной границы Богеміи на Сѣверѣ, можно провести отъ Браунау къ Кралевудвору (Königshof), Либерцу (Reichenberg), Мельнику, Лютомѣрицу (Leitmeritz), Рабенштейну, Плзни (Pilsen) и Вальдмюнхену на границѣ Баварской,

такъ что у Вальдмюнхена Чехи живутъ на самой даже границѣ; за Вальдмюнхеномъ на Юго-Востокѣ граница Чехіи идетъ къ Яновицу, Прахатицѣ, Грацену, переходитъ въ Австрію за Гмюндъ и къ Литчову (Litschau) и входя опять въ Богемію, проходитъ мимо Генрихова (Neuhaus), тутъ на Югѣ Нѣмцы живутъ еще у Будѣёвицъ; на Востокѣ Нѣмцы живутъ около Иглавы и далѣе за Поличкой по границамъ Моравскимъ къ Сѣверу на узкой полосѣ земли къ Находу, такъ что около Находа и далѣе, почти до Браунау, Чехи живутъ на самой Прусско-Силезской границѣ. Что касается языка народнаго въ Чехіи, можно замѣтить, что онъ кое въ чемъ отличенъ отъ языка литературнаго, и нѣсколько различается по разнымъ мѣстамъ. Въ первомъ отношеніи можно замѣтить слѣдующее. I. Склоненіе существительныхъ: a) вмѣсто именительнаго средняго на i (apellaci), употребляется e (apellace); b) вмѣсто дательнаго множ. мужескаго на um, употребляется om (mužum — mužom); c) вмѣсто творительнаго множ. на mi, употребляется ma (dubami— dubama, ženami— ženama). II. Склоненіе прилагательныхъ качественныхъ: a) вмѣсто окончательныхъ ý и é, употребляется ey или ej (krasný, krasné—krasnej), равно и во всѣхъ коренныхъ ý (mlýn — mlejn); b) вмѣсто ých, ým, ými — ejch, ejm, ejma (krasných, krasným, krasnými —krasnejch, krasnejm, krasnejma); c) вообще прилагательное во множественномъ склоняется въ женскомъ и среднемъ одинаково. III. Мѣстоименія: a) вмѣсто mne во многихъ мѣстахъ употребляется mně; b) также и вмѣсто je (винит. един. муж.)— ho; c) вмѣсто oná, въ имен. и винит. средняго множествен. — oni. IV. Глаголъ: a) средній родъ не отличается отъ женскаго и мужескаго; b) причастія не употребляются, дѣепричастія очень часто; c) вмѣсто jiti, piti, žiti, titi и т. п. употребляется jati, piati, žati, tjati; d) вмѣсто piji, hrabi, škrabi, teši, káži, miluji —piju, hrabu, škra-

bu, tešu, kažu, miluju и т. п.; c) вмѣсто piji, honi, hledi, miluji — pijou, honcji — honijú, hledĕji — hledijú, milujou. V. Можно замѣтить также, что вмѣсто již, ještě, говорится již-už и ešte-ešće. — Въ отношеніи къ мѣстнымъ различіямъ Чешскаго языка можно замѣтить: a) въ Восточныхъ краяхъ всюду вмѣсто št' употребляется šć (št'esti-šćesti); b) въ горахъ на Сѣверо-Востокѣ слышно твердое ł, потерянное остальными Чехами такъ давно, что самъ Гуссъ жаловался уже на передѣніе произносить его (byl-buł); c) на Югъ отъ Праги, между Вероной (Beraun), Прибрамомъ, Хлумцемъ, Яновицемъ и Збраславомъ, вмѣсто творительнаго на em въ именахъ существ. и предложнаго на em, въ именахъ прилагат., употребляется om (stromem — stromom, na bujnem koni — na bujnom konju); d) тамъ же и во многихъ другихъ мѣстахъ вмѣсто родит. на e и дательн. и предлож. на i, употребляется въ первомъ случаѣ a, а во второмъ u (meče, meči — meča, meču); e) равнымъ образомъ въ склоненіи женскомъ вмѣсто именит. e, родит. e или ě, дательн. i, винит. i, творительнаго i, употребляется, особенно на Востокѣ, a, i, ě, u, ou (zeme, zeme, zemi, zemi, zemi — zemja, zemi, země, zemju, zemjou); f) въ Хрудимскомъ краѣ творительный женскій оканчивается на jej, ej (zemjej, ulicej); g) несклоняемыя на i средняго рода во многихъ мѣстахъ склоняются (znamenje, znamenjo, znamenju, znamenjém, znameni, вмѣсто znameni, znameni, znameni, znamenim, znameni, и во множественномъ также); h) окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на Сѣверо-Востокѣ t' мягкое, на Югѣ t твердое, и только въ Плзненскомъ краѣ ti (pisati — pisat', pisat, pisati). Я уже не говорю о различіи въ словахъ: каждый край имѣетъ свои особенныя слова и выраженія, оставшіяся отъ стараго времени и очень важныя для объясненія старыхъ памятниковъ.

Вообще, какъ относительно языка, такъ и относительно обычаевъ особенно замѣчательны жители Восточныхъ краевъ и пограничные Сѣверовосточные и Югозападные горцы: городская жизнь и все Нѣмецкое имѣли на нихъ менѣе вліянія; слова, подобныя «doch, fort, gleich, recht (mate recht)», третье лице множеств. вмѣсто втораго (máji или máju recht; вмѣсто mâte recht, вы правы) и тому подобные грубые германизмы рѣдки; одежда старинная; въ нравахъ простота; болѣе любви къ пѣснямъ, болѣе любви къ обрядамъ; болѣе почтенія къ образованности, болѣе невинности и простодушія въ обхожденіи между по́лами. Суевѣріе въ одинаковой степени всюду, съ тою только разницею, что тамъ, гдѣ Нѣмцы имѣли вліянія болѣе, замѣтно болѣе однообразія въ суевѣріяхъ. Знаніе читать и писать распространено также одинаково всюду. При семъ замѣтить можно, что тамъ, гдѣ Нѣмцы и Чехи сосѣдственны, Чехъ заставляетъ сына учиться по-Нѣмецки, а Нѣмецъ по-Чешски. Гостепріимство болѣе тамъ, гдѣ болѣе Чеховъ, тамъ же и менѣе нищихъ. Религіозное чувство и любовь къ музыкѣ отличаетъ Чеховъ: ни въ одной странѣ не льзя найти столько, и столько прекрасныхъ, духовныхъ, и ни въ одной столько дурныхъ свѣтскихъ пѣсенъ съ прекраснымъ напѣвомъ, сколько въ Чехіи. Славои тутъ замолкли давно, не оставили по себѣ и памяти, и милостыню выпрашиваютъ уже не пѣснію, а музыкой, игрой на скрипкѣ, на арфѣ. Не только нѣтъ особеннаго класса пѣвцевъ, но нѣтъ большей охоты и къ хоровымъ пѣснямъ не духовнымъ; даже вообще пѣсня стала игрушкою, если не поется въ церкви или во время богомолья. Не мудрено, что въ Чехіи нѣтъ пѣсенъ историческихъ, очень мало старинно-обрядныхъ, мало и элегическихъ,— а много смѣшныхъ, юмористическихъ. Пословицъ и поговорокъ, особенно юмористическихъ, множество. Сказокъ, большею частію фантастическаго содержанія, также

много, но онѣ разсказываются дурно, вяло, безхарактерно: искусныхъ сказочниковъ или вовсе нѣтъ, или очень мало.

И могилы и городища въ Чехіи очень рѣдки. Не мудрено: эта страна пережила столько періодовъ земледѣлія. Только въ стародавнихъ лѣсахъ или въ мѣстахъ опустѣлыхъ остались они, и, странно, городищъ осталось болѣе, нежели могилъ. Таковы за Збраславью, у Радницъ, у Лопаты, не далеко отъ Щаглавы (наз. Hradina, а не Hradiště), у Копыдльна, у Постолопрты, и въ разныхъ мѣстахъ Чехіи, разсѣянно. Форма ихъ та же, что и въ Россіи: кругообразный валъ съ отверстіемъ съ одной стороны и углубленіемъ въ срединѣ; отверстія обращены то въ ту, то въ другую сторону, чаще впрочемъ къ раннему Востоку. Въ городищахъ находятъ одни черепки, иногда бронзовыя и каменныя вещи. Цѣлыя урны съ пепломъ и съ вещами находятъ въ землѣ, гдѣ можетъ быть прежде и возвышались намогильные холмы, но гдѣ уже не осталось и слѣдовъ ихъ.

Моравія представляла для меня еще болѣе предметовъ для изслѣдованія и изученія. Не столько страдавшая въ вѣкахъ прошедшихъ, менѣе просвѣщенная, она сохранила въ большей степени свою народность, и представляетъ ее въ отношеніи къ обычаямъ и языку въ столь разнообразныхъ оттѣнкахъ, что почти въ каждомъ ея углу наблюдатель находитъ что-нибудь новое, столь же мало извѣстное, сколько и достойное быть извѣстнымъ. Я говорю новое, мало извѣстное, ибо дѣйствительно Славянская Моравія до сихъ поръ ни въ отношеніи къ языку, ни въ отношеніи этнографическомъ еще не описана: небольшія замѣчанія, находимыя въ Топографіи Моравіи Вольнаго и въ разныхъ мѣстныхъ Нѣмецкихъ журналахъ и альманахахъ, очень недостаточны; а по части изданія памятниковъ народной Словесности находимъ только «Словацкія пословицы», из-

данные Трнкою, и «Моравскія пѣсни», изданныя Сушиломъ; и то первая книжка и мала и составлена наскоро, а вторая, хотя и богата количествомъ пѣсенъ, но въ отношеніи лингвистическомъ не имѣетъ никакой цѣны (въ ней не только не означено, гдѣ какая пѣсня списана, но не сохраненъ и общій мѣстный колоритъ нарѣчій, такъ что есть пѣсни, которыхъ не льзя причислить ни къ одному изъ Моравскихъ нарѣчій). Есть впрочемъ надежды на многое: Сушилъ продолжаетъ трудиться и, можно надѣяться, будетъ впередъ издавать болѣе осмотрительно; Огералъ собираетъ матеріалы для Этнографіи Моравіи; Бочекъ и Шембера тоже; есть даже молодые люди, посвящающіе вакаціонное время путешествію по родинѣ, и собирающіе идіотизмы, преданія, обычаи и т. д. Все это будетъ мало по малу издаваемо въ предположенномъ Моравскомъ журналѣ, который собираются издавать въ Брнѣ; есть даже надежда, что будетъ издаваться не одинъ, а два журнала.

Брно (Brünn) не богатъ, но и не бѣденъ Славянофилами: тамъ нѣтъ только того братства, того единодушія между ними, какое находимъ въ Прагѣ, хотя впрочемъ и въ Прагѣ поколѣніе молодое какъ-то отдѣлено отъ стараго, и мало хочетъ и можетъ пользоваться его наставленіями, его опытностію, его ученостію; есть однако нѣсколько лицъ, по справедливости пользующихся и уваженіемъ и извѣстностію. Ученый Археологъ и Историографъ Моравіи Бочекъ, извѣстенъ своимъ богатымъ Моравскимъ Дипломатаріемъ, и еще болѣе заслуживаетъ быть извѣстнымъ по своей обширной учености, особенно въ отношеніи къ Среднимъ вѣкамъ Чехіи, Моравіи и окрестныхъ земель. Онъ собралъ множество матеріаловъ для составленія Моравскаго ономастика; не менѣе богато и его собраніе Моравскихъ идіотизмовъ, большею частію описанныхъ этнографически. Третій томъ дипломатарія уже приготовленъ къ печатанію. Профессоръ Жакъ мно-

го и долгое время трудился надъ Чехо-Славянской Грамматикой, обративъ первый особенное вниманіе на сближеніе нарѣчій народныхъ съ нарѣчіемъ, господствующимъ въ Литературѣ, и на обработку правилъ спряженія. Есть надежда, что его Грамматика будетъ издана еще въ нынѣшнемъ году. Профессоръ Клацель есть одинъ изъ лучшихъ Чешскихъ Поэтовъ. Профессоръ Сушилъ извѣстенъ изданіемъ народныхъ Моравскихъ пѣсенъ (вторая книжка издана недавно); онъ имѣетъ много матеріаловъ для продолженія и улучшенія своего труда. Профессоръ Кинскій собираетъ дополненіе для Юнгманова Словаря: онъ былъ одинъ изъ первыхъ, начавшихъ вмѣстѣ съ Юнгманомъ трудиться для оживленія Чешской Литературы. Литераторъ Огералъ, писавшій впрочемъ болѣе на Нѣмецкомъ языкѣ, занимается Этнографіей Моравіи: я обязанъ ему за доставленіе многихъ любопытныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи. Не могу не быть благодаренъ за подобныя свѣдѣнія также и Аббату Августинскаго монастыря въ Брнѣ и Аббату Райградскаго монастыря (Reihern) близъ Брна.

Я посѣтилъ сей послѣдній для осмотрѣнія рукописи, извѣстной подъ названіемъ «Martyrologium Odonis». Писанная (in-4°, на 139 лист.) на пергаминѣ, въ первыхъ годахъ IX вѣка (если только считать замѣтку о семъ, находящуюся въ рукописи, не за копію съ другой болѣе старой рукописи). Она обращаетъ на себя вниманіе по Кирилло-Славянскимъ припискамъ, разсѣянным на разныхъ страницахъ его. Сіи приписки замѣтилъ Палацкій въ 1837 году, а прочелъ Шафарикъ въ 1838. Главная изъ нихъ находится на л. 70, на правой страницѣ въ углу снизу и на оборотѣ въ углу сверху, полустарательно, полунепскусною рукою: чернила сошли, чернильная матерія, проникнувшая въ пергаминъ, позеленѣла, и написанное читается съ большимъ трудомъ. Вотъ отъ буквы до буквы сія приписка, какъ я прочелъ ее;

1. «оче ги благослови иоана хрѷсостома на рожастǐ ства вца свѣтааѫ дана днась и чуденъ прѣдъ очеси нашими данась мати живота нашего из ложесна изиде сѫщй къ истинѫ мати свѣта двѧ небесная нама родися носящия спѣния (кажется спения, а не писания, какъ требуетъ подлинникъ Греческій) жизни еѫ же раздрушано быстъ прѣ».

2. «вьторое небо земи».

Всѣ другія приписки имѣютъ совершенно другую форму и по начертанію буквъ и по черниламъ; буквы новѣе, чернила черно-желтоватыя. Вотъ онѣ всѣ: a) на полѣ оборота 2-го листа есть такіе остатки: «р ѕъ но сыце чиптвлахаскоѕъ жырамг»; b) на оборотѣ 51 л. «папѣ»; c) на 65 — «кюрил»; d) на оборотѣ 71 листа «апѣ»; e) на оборотѣ 88 л. «апа»; f) на 113 л. «пап»; g) на оборотѣ 151 л. «пѣ»; h) на оборотѣ 133 листа «чапѣ». Онѣ заставляютъ предполагать, что рукопись при переплетаніи была обрѣзана, такъ что на обрѣзкахъ остались недостающія буквы (странно, что большая приписка, выписанная выше, не подверглась тому же искаженію). Кромѣ сихъ приписокъ есть и еще одно слово не приписанное, а входящее въ текстъ рукописи. Вотъ оно съ фразою, въ которую вставлено:

latria

«At illo cultuq grece латрия dicitur latine uno verbo dici non potest».

Рукопись начала IX вѣка, и въ ней Греческое слово Славянскими (?) буквами — за полвѣка до Кирилла! Невольно вспомнишь о словахъ Храбра. Но точно ли рукопись IX вѣка? Не имѣя ни причины, ни надобности не вѣрить своевременности всей рукописи, я однако позволяю себѣ сомнѣваться въ томъ, что и листокъ, на которомъ находится это слово «латрия», принадлежитъ

IX вѣку. Предъ первымъ листкомъ рукописи есть листокъ, бывшій приклееннымъ къ доскѣ переплета; не трудно было замѣтить, что на внѣшней, не приклеенной къ доскѣ страницѣ его, написано то же, что и на оборотѣ 1-го листа. Догадываясь, что и на страницѣ, приклеенной къ доскѣ, должно быть то же, что на правой страницѣ 1-го листа, т. е. что весь этотъ листъ есть только повтореніе 1-го листа, я позволилъ себѣ отклеить этотъ листъ отъ доски, и всмотрѣлся въ связь тетрадей рукописи, и увидѣлъ что: a) листокъ, бывшій приклееннымъ, составляетъ съ 6-мъ листомъ первой тетради рукописи одно цѣлое, а листокъ 1-й приклеенъ ко 2-му какъ вставочной; b) на первой страницѣ отклееннаго листка я нашелъ и слово «latria», но уже написанное только по-Латыни, и замѣтилъ, что вся страница темна, конечно, отъ долговременнаго употребленія. Дѣло для меня объяснилось. Подлога предполагать здѣсь невозможно: онъ былъ бы сдѣланъ искуснѣе; но владѣлецъ рукописи, желая имѣть 1-й листокъ чистымъ, списалъ его на особенномъ кускѣ пергамина и вклеилъ этотъ кусокъ въ рукопись, а подлинный листъ оставилъ для переплета. Что перепись этого листа могла быть сдѣлана только по истеченіи немалаго времени послѣ того, какъ писана вся рукопись, это ясно: рукопись должна была имѣть время постарѣть. Не былъ ли онъ даже переписанъ въ то время, когда рукопись переплеталась и обрѣзывалась? Это могло быть не ранѣе XV вѣка, или по крайней мѣрѣ XIV, какъ можно судить по почерку малыхъ, искаженныхъ обрѣзкою, приписокъ? Какъ бы то ни было, отъ воспоминанія о словахъ Храбра должно въ этомъ случаѣ отказаться,— и остаться при вопросѣ: «кто могъ дѣлать Славянскія приписки?» Texte du sacre невольно приходитъ на память, а другія Кирилловскія рукописи XV—XVI столѣтія, разсѣянныя въ разныхъ библіотекахъ

этой части Европы, могутъ содѣйствовать къ объясненію дѣла. Думаю, что можно найти здѣсь рукописи Кирилловскія и древнѣе XV вѣка; думаю, что около этого времени въ сихъ мѣстахъ были по крайней мѣрѣ отшельники, молившіеся и писавшіе «по вѣрѣ Русскаго Закона», какъ упомянуто въ Глаголической припискѣ XIV вѣка въ Texte du sacre. . . Не имъ ли принадлежатъ и приписки и въ Райградской рукописи?

Занявшись Мораво-Словацкимъ нарѣчіемъ въ Брнѣ и сдѣлавъ небольшое путешествіе пѣшкомъ на Западъ Моравіи, для ознакомленія себя съ чисто-Моравскимъ нарѣчіемъ, я поѣхалъ въ Оломуцъ (Olmütz). Всего пріятнѣе было для меня тамъ знакомство съ Профессоромъ Чешской Литературы Шемберою. Еще молодой человѣкъ, онъ отлично дѣятеленъ, и даетъ прекрасное направленіе своей дѣятельности: какъ Профессоръ, онъ имѣетъ сильное вліяніе на своихъ слушателей, возбуждая ихъ основательно изучать Чешскій языкъ, и самъ обращаетъ неусыпное вниманіе на изученіе Моравскихъ народностей.

Съ нимъ вмѣстѣ мы обошли Гану, благословенную родину оригинальныхъ Ганаковъ, «Моравскую Палестину», какъ они называютъ ее, вникали въ ихъ нарѣчіе, собирали пѣсни, пословицы и преданія, и доходили до мѣстъ, гдѣ живутъ не менѣе оригинальные Валахи.

Далѣе я поѣхалъ въ Опаву (Troppau); впрочемъ въ самомъ городѣ я не нашелъ для себя ничего особеннаго важнаго. Директоръ Музеума Энсъ написалъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій объ Австрійской Силезіи; но ни Чешскаго языка, ни о Славянахъ Силезскихъ не знаетъ. Изъ Опавы я сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по Австрійской Силезіи, гдѣ живутъ Славяне, для ознакомленія себя съ ихъ нарѣчіемъ.

Моравія имѣетъ жителей 2,150,000, изъ которыхъ Славянъ 1,485,000 (Жидовъ около 33,000). Въ городахъ и между Славянами господствуетъ языкъ Нѣмецкій во

всемъ среднемъ и высшемъ сословіи. Нѣмцы живутъ по рѣкѣ Дыѣ (Taja) на Югѣ, за 49° Широты отъ Западныхъ границъ Моравіи до Моравы, также около Иглавы, Брна, Ольмюца, и болѣе всего въ горахъ на Сѣверозападѣ. Здѣсь границу между населеніемъ Славянскимъ и Нѣмецкимъ можно положить общими чертами такъ: начинаясь у Прусско-Силезской границы, между Егерндорфомъ и Опавой, раздѣльная линія идетъ выгнутою чертою къ Кенигсбергу, потомъ прямо на Югъ къ Страмберку, отсюда почти прямо на Западъ, неподалеку Новаго Ичина (Neutitschen), Границы (Weisskirchen) и Оломуцкой Быстрицы (Wisternitz), далѣе на Сѣверозападъ мимо Штернберка, Унчова (Maerische Neustadt) и Шумберка, потомъ на Югъ отъ Шильдберка къ Могельницамъ (Müglitz), и наконецъ кривою чертою къ Югозападу, снова къ границѣ Богемской у Березовой (Briesau). Такимъ образомъ и въ Моравіи Нѣмцы живутъ большею частію по границамъ. Славяне Моравскіе по нарѣчію и обычаямъ довольно разнообразны, хотя и принадлежатъ всѣ, кромѣ небольшаго числа Хорватовъ (11,000— у границъ Австрійскихъ), къ отрасли Чехо-Славянской. Хорваты говорятъ нарѣчіемъ и имѣютъ обычаи Хорватовъ Венгерскихъ. Остальные Моравы суть: собственно Моравцы, Ганаки, Словаки Моравскіе, Валахи, Силезскіе Моравцы и Польско-Силезскіе Моравцы. Собственно Моравцы живутъ на Западѣ Моравіи, т. е. въ краяхъ Иглавскомъ и Зноймскомъ, почти во всемъ Брненскомъ, исключая Восточныхъ границъ, и въ Оломуцкомъ на Югозападныхъ границахъ. Нарѣчіе ихъ не многимъ отличается отъ народнаго Чешскаго. Какъ особенности, можно сверхъ этого замѣтить: a) превращеніе o въ ô (pôtôm, wtôrej); b) вмѣсто ého, ému — ýho, ýmu (krasnyho, krasnymu); c) вмѣсто koho, komu, toho, tomu — kého, kému, tého, tému; d) вмѣсто общеупотребительнаго въ Чехіи nyní—nyčko (теперь), въ

Моравіи неизвѣстнаго, употребляется wĕil-wĕilej, неизвѣстное въ Чехіи. Во всемъ прочемъ, кромѣ нѣкоторыхъ идіотизмовъ, сходно это нарѣчіе съ Восточнымъ Чешскимъ. Ганаки живутъ въ Ганѣ, по рѣкѣ Ганѣ, въ срединѣ Моравіи, т. е. въ краѣ Оломуцкомъ, на Сѣверовосточныхъ границахъ Брненскаго, Сѣверозападныхъ Градищскаго, и въ Западной части Пеpовскаго, съ Запада примыкая къ собственнымъ Моравцамъ, съ Юга къ Словакамъ, съ Востока къ Валахамъ и Силезскимъ Моравцамъ, съ Сѣвера къ Нѣмцамъ. Нарѣчіе Ганацкое особенно отличается выговоромъ *y* за *ĕ* и *u* за *ŏ*, равнымъ образомъ *u* не измѣняется въ *i* и *a* въ *e*. Словаки Моравскіе живутъ большею частію въ краѣ Градищскомъ, исключая Сѣверныхъ и Западныхъ пограничныхъ его земель, также по Юговападнымъ границамъ Брненскаго. Нарѣчіе ихъ отличается отъ нарѣчія Словаковъ Венгерскихъ употребленіемъ мягкаго ř, какъ и въ Чешскомъ и другихъ Моравскихъ нарѣчіяхъ. Валахи живутъ въ Южныхъ частяхъ края Пеpовскаго и Сѣверныхъ края Градищскаго. Ихъ нарѣчіе есть средина между Ганацкимъ и Словацкимъ, и замѣчательно кромѣ того употребленіемъ твердаго ł. Слезскіе Моравцы живутъ на Сѣверовостокѣ края Пеpовскаго и на Востокѣ Опавскаго. Польско-Слезскіе Моравцы живутъ въ краѣ Тѣшинскомъ. О нарѣчіяхъ Силезскихъ я говорю въ особенной Запискѣ, у сего прилагаемой (*).

Что я сказалъ выше о Чехахъ, то можно повторить и о Моравцахъ. Впрочемъ вообще въ нарѣчіяхъ Моравскихъ, германизмовъ менѣе, да и вліяніе Нѣмцевъ во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе; просвѣщенія также менѣе, равно менѣе и любви къ музыкѣ, и болѣе любви къ пѣснѣ, къ старинному обряду; добродушія и гостепріимства болѣе. Одежда очень разнообразна. Старины

(*) Также будетъ помѣщена въ Ж. М. *Прим. Ред.*

въ образѣ жизни болѣе всего у Ганаковъ и Валаховъ. Часть сихъ послѣднихъ, горные Валахи, ведутъ лѣтомъ жизнь полу-кочевую.

Оставивъ Моравію, я поѣхалъ во Вратиславъ (Breslau), съ тѣмъ, чтобы тамъ сколько можно приготовиться къ путешествію пѣшкомъ по Славянской части Прусской Силезіи, а между тѣмъ и обозрѣть все, что есть важнаго по моему предмету въ Университетскихъ собраніяхъ. Профессоръ Пуркиня, столь достойно знаменитый въ Германіи своими открытіями и трудами по части Физіологіи, и не менѣе того достойный глубочайшаго уваженія отъ всѣхъ Славянъ за все славянское сердце и образованіе, обласкалъ меня, какъ родной, и помогалъ мнѣ чѣмъ могъ въ моихъ трудахъ. Даже еще не выѣзжая изъ Вратислава, я могъ начать лингвистическія разысканія о Польско-Слезскомъ нарѣчіи, находя всегда на берегу Одры сплавщиковъ лѣса и барочниковъ, пріѣзжающихъ туда изъ верхнихъ частей Слезска. Привыкнувъ къ нарѣчію, я поѣхалъ въ Ополье и оттуда обходилъ средину Славянской Силезіи. Жалѣю, что я, спѣша въ Лужицы, не могъ посвятить на этотъ народъ много времени: онъ сохранилъ много любопытнаго въ своемъ нарѣчіи и обычаяхъ. О нарѣчіи Прусско-Слезскомъ я говорю въ упомянутой Запискѣ о Слезскихъ нарѣчіяхъ; объ образѣ жизни, обычаяхъ и народной Поэзіи Прусскихъ Слезаковъ буду имѣть честь представить также отдѣльную записку. — Между рукописями Славянскими въ Университетской Библіотекѣ Вратиславской я не нашелъ ни одной важной; за то много любопытнаго нашелъ въ Музеумѣ древностей. Собственно городищъ въ Силезіи я не видалъ; могилъ много: въ нихъ, равно и въ ровныхъ поляхъ, находятъ урны съ пепломъ и разныя вещи, каменныя и бронзовыя, въ большомъ количествѣ. Во Вратиславѣ же я занимался, съ помощію Кандидата Маркуса, Нижне-Лужицкимъ нарѣчіемъ.

Проѣздомъ изъ Вратислава въ Сторѣлецъ (Görlitz), я останавливался на короткое время въ Лигницѣ, гдѣ въ Библіотекѣ при церкви Петровской, нашелъ три Кирилловскія рукописи, кажется XV—XVI столѣтія: одна изъ нихъ — Псалтирь, въ искаженномъ состояніи, а въ отношеніи къ языку почти не разнится отъ нашего перевода; другая — отрывки изъ сочиненій Златоустаго; третья — календарь. Всѣ три, кажется, вывезены изъ Россіи. При этой же церкви хранится и образъ Алексія Митрополита.

Въ Сторѣльцѣ я не могъ не остановиться на большее время: кромѣ Библіотекъ, меня остановило тамъ знакомство съ Кандидатомъ Смоляромъ, отличнымъ знатокомъ нарѣчій Лужицкихъ. Онъ былъ мнѣ особенно полезенъ въ отношеніи къ нарѣчію Верхне-Лужицкому. Въ Библіотекѣ Милліевской я нашелъ 11-ть Славянскихъ рукописей, большею частію Чешскихъ, между прочимъ и календарь, очень похожій на видѣнный мною въ Лигницѣ. Въ Библіотекѣ Ученаго Общества хранятся коллектанеи покойнаго Антона, также Френцеля и проч. Между первыми я нашелъ любопытныя замѣчанія о нарѣчіи Кашебскомъ и три списка Геннигова Полабскаго Словаря, и списалъ себѣ ихъ. Не могу не замѣтить, что списокъ Геннигова Словаря, извѣстный Добровскому, изъ котораго онъ сдѣлалъ и извлеченія въ своей Славянкѣ, есть самый неполный и худшій; два другіе списка ни Добровскому, ни другому кому, кажется, не были извѣстны. Полезно было для меня и знакомство съ Пасторомъ Гауптомъ, издателемъ Лужицкаго Магазина и Собранія Лужицкихъ Историковъ. Съ нимъ вмѣстѣ и со Смоляромъ обходили мы Славянскія окрестности Сторѣльца и, переѣхавши въ Будишинъ (Bauzen), городища, лежащія вокругъ сего города, и другія замѣчательныя урочища (между прочимъ есть тамъ двѣ горы, изъ которыхъ одна называется Чернобогомъ, а другая Бѣлобогомъ).

Въ Будишинѣ я не могъ не остановиться на нѣсколько дней для обозрѣнія Чешскихъ рукописей, найденныхъ мною въ Герсдорфской Библіотекѣ. Между ими есть очень много важныхъ для Исторіи Чешской. Въ литературномъ отношеніи особенно важны двѣ пергаминныя XV вѣка. Одна изъ нихъ — сочиненія Гусса (Катихизисъ, О шести заблужденіяхъ и Объясненіе Воскресныхъ Евангелій), переписанныя, какъ означено на листѣ 137, въ 1412 году, и переписанныя подъ надзоромъ самого Гусса, какъ можно судить по правописанію и по припискамъ, вставленнымъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ объясненіи Евангелій. Можетъ быть даже, рукопись эта писана и самимъ Гуссомъ. Другая рукопись, писанная въ 1420 году, заключаетъ въ себѣ, кромѣ вступленій въ прозѣ и стихахъ, цѣлую Поэму, до сихъ поръ оставшеюся въ неизвѣстности. Принадлежа къ партіи Гусситовъ, Авторъ во вступленіи заставляетъ Корону Чешскую жаловаться Богу на Венгерскаго Короля Сигизмунда и на Соборъ Костницкій, и потомъ отъ имени Короны Чешской представляетъ жестокое правленіе Сигизмунда и вины Чешскаго Дворянства.

Это высказывается въ разговорѣ между Прагой и Кутной-горой (Kuttenberg, откуда родомъ и Гуттенбергъ, какъ недавно стали доказывать). Этотъ разговоръ составляетъ содержаніе цѣлой Поэмы: Прага обвиняетъ гору, гора оправдывается. Очень любопытная, какъ произведеніе поэтическое, эта Поэма еще важнѣе въ историческомъ отношеніи, какъ матеріалъ для уразумѣнія состоянія дѣлъ въ началѣ XV вѣка.

Вышедши изъ Будишина вмѣстѣ съ Смоляромъ, мы начали путешествіе по Лужицамъ. Оно было продолжительнѣе, нежели я предполагалъ. Чѣмъ болѣе встрѣчалъ я въ народѣ старо-Славянскаго и даже можно сказать Русскаго, тѣмъ болѣе возбуждалось мое желаніе, какъ можно ближе познакомиться съ этимъ народомъ, и я

оставилъ Лужицы только тогда, когда посѣтилъ въ нихъ всѣ замѣчательныя мѣста, вникнулъ въ обычаи и преданія.

О нарѣчіяхъ Лужицкихъ имѣю честь представить при семъ особенную Записку (*); тамъ же помѣщены и замѣчанія о современномъ состояніи Лужицкой Литературы. Собирая всюду народныя пѣсни и пословицы, я собиралъ ихъ въ Лужицахъ тѣмъ съ большимъ тщаніемъ, что онѣ до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны. Лужичане пѣснями богаче, нежели всѣ другіе Славянскіе народы, до сихъ поръ мною обозрѣнные; и самые обычаи сохранили у нихъ болѣе старины, нежели напр. у Чеховъ.

Во время путешествія по Лужицамъ, я обращалъ вниманіе на городища и могилы: первыхъ болѣе въ Лужицахъ Верхнихъ, вторыхъ въ Нижнихъ. Могилы, вышиною отъ 1 до 3 саженъ, большею частію имѣютъ круглую форму, точно какъ и въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, и въ рѣдкой изъ нихъ не находятъ урнъ и разныхъ вещей каменныхъ и бронзовыхъ. Городища, вышиною до 25 фут. и отъ 20 до 100 шаговъ, имѣютъ иногда обыкновенную круглую форму съ отверстіемъ, иногда же полукруглую; есть также и двойныя городища, но я не видалъ ни одного, которое бы имѣло форму столь сложную, какъ многія изъ городищъ Южно-Русскихъ. Въ городищахъ находятъ черепки сосудовъ, много угля, пепла, кости животныхъ, каменныя вещи въ родѣ молотовъ, ножей и пр. тѣхъ же формъ, какъ и въ могилахъ.

Оставивши Лужицы, я посѣтилъ берега Черной Ольстры (Schwarze Elster), и обозрѣлъ тамъ городища. По формѣ они ничѣмъ не разнятся отъ Лужицкихъ, какъ и вообще всѣ Саксонскія. Безъ сомнѣнія многое

(*) Будетъ также помѣщена. *Прим. Ред.*

еще остается разсмотрѣть прежде, нежели можно будетъ рѣшительно признать или отвергнуть ихъ Славянское происхожденіе; тѣмъ не менѣе многое заставляетъ предполагать, что они дѣйствительно Славянскія: a) они находятся только тамъ, гдѣ жили и живутъ Славяне; b) они всюду называются «городищами»; c) ко многимъ относятся преданія чисто Славянскія; d) сами Германцы по своимъ преданіямъ называютъ ихъ Славянскими — Wenden-schanzen, и никогда Германскими, повторяя о нихъ преданія, касающіяся Славянъ. . .

Я успѣлъ пріѣхать въ Дрезденъ уже поздней осенью. Здѣсь, между Славянскими рукописями Королевской Библіотеки, особенно заняла меня Чешская Библія XIV вѣка; а въ Кабинетѣ антиковъ, Собраніи фарфоровъ и въ частномъ собраніи Библіотекаря Клемма, я нашелъ много любопытныхъ для меня остатковъ языческой древности, отрытыхъ въ могилахъ и городищахъ. Вообще сравненіе сихъ вещей съ отрываемыми въ Россіи очень занимательно: формы почти тѣ же, и не только формы, но и самый матеріалъ.

Возвратившись въ Прагу, я занялся преимущественно древнею Чешской Литературой, и потомъ, чрезъ Кралевградецъ (Königgrätz), Лютомышль и Брно, пріѣхалъ въ Вѣну.

Я занимаюсь здѣсь, подъ руководствомъ Вука С. Караджича, языкомъ Сербскимъ, и приготовляюсь къ путешествію по землямъ Иллирійскихъ Славянъ. Очень сожалѣю, что я не имѣлъ до сихъ поръ случая и времени заняться языкомъ Турецкимъ: вліяніе его на Западную половину Иллирійскихъ Славянъ было гораздо сильнѣе, нежели вліяніе Нѣмецкаго на Славянъ Германскихъ.

2007042712